

ПО ТУ СТОРОНУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Возможна ли археология сверхъестественного?
Религиозные представления кочевников Южного Урала
Святыни на Старорязанском городище
Языческие божки Великого Новгорода
О сакральности казни в Золотой Орде
Воины-оборотни в самбийско-натангийской культуре
Магические практики в татарском войске

Ответственный редактор — Роман А. Рабинович

ISSN: 1857-3533

Stratum plus. No. 5.
Archaeology and Cultural Anthropology

Beyond the Middle Ages

Is archaeology of supernatural possible?
Religious concepts among the South Ural nomads
Shrines on Staroryazansky fort
Pagan idols of the Veliky Novgorod
On sacral execution in the Golden Horde
Warriors-werewolves in Sambian-Natangian culture
Magic practices in the Tatar army

Editor-in-Charge — Roman A. Rabinovici

Saint Petersburg. Kishinev. Odesa. Bucharest.
2022

Stratum plus. Nr. 5.
Arheologie și antropologie culturală

De cealaltă parte a Medievalității

E posibilă oare arheologia supranaturalului?
Reprezentările religioase ale nomazilor Uralului de Sud
Sanctuarele din vechea cetate a Riazanului
Zei păgâni ai Marelui Novgorod
Despre sacralitatea execuției în Hoarda de Aur
Oștenii-vârcolaci în cultura sambiană-natangiană
Practicile magice în armata tătară

Redactor responsabil — Roman A. Rabinovici

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2022

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ ЗАГРОБНОГО МИРА

- М. М. Казанский (Париж, Франция), А. В. Мастыкова (Москва, Россия). Собаки в погребальном обряде самбийско-натангийской культуры эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья и войны-оборотни 15
- В. С. Аксёнов (Харьков, Украина). «Лишь Смерть утешит нас и к жизни вновь пробудит...» (заметки к погребальной обрядности аланского населения салтово-маяцкой культуры по материалам Верхне-Салтовского могильника) 31
- С. Г. Боталов (Екатеринбург; Челябинск, Россия). Культово-религиозные представления средневековых кочевников Южного Урала (на материалах погребального комплекса Уелги) 45

ВЕРОВАНИЯ, РИТУАЛЫ, МАГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

- И. Р. Ахмедов (Санкт-Петербург, Россия), Н. А. Биркина (Москва, Россия), Ю. В. Лошина (Рязань, Россия). Языческие святилища на Старорязанском городище 65
- Г. В. Требелева, Л. В. Яворская (Москва, Россия), А. С. Кизилев (Сочи, Россия), С. М. Саканиа, З. Г. Хондзия (Сухум, Абхазия). Жертвенные ритуалы в башнях Маркульского городища: интерпретация результатов археологических исследований 85
- А. А. Порсин (Магнитогорск, Россия). «Бактериологическая атака» 1346 года в Каффе и магические практики средневековых кочевников 99
- Ю. В. Селезнёв (Воронеж, Россия). Казнь в безлунную ночь: к вопросу о сакральности приведения в исполнение смертного приговора в Орде 109
- А. А. Новик (Санкт-Петербург, Россия). Колдуны и ведуньи: магические практики албанцев Украины в парадигме антропологии 115

ПРЕДМЕТЫ КУЛЬТОВОГО НАЗНАЧЕНИЯ

- В. Н. Гурьянов, А. А. Чубур (Брянск, Россия). «Ab ovo»: яйца-писанки в курганном погребальном обряде восточных славян 127
- Н. Н. Серегин (Барнаул, Россия). Предметы культового назначения у раннесредневековых тюрок Центральной Азии: опыт интерпретации археологических материалов . . 135
- В. Н. Кузнецова, В. Ю. Соболев (Санкт-Петербург, Россия), Р. Спиргис (Рига, Латвия). Находки подвесок-ложек XI—XIII вв. на территории Древней Руси и Прибалтики 145
- Р. Х. Храменкова, В. Н. Бахматова, А. Г. Ситдилов (Казань, Россия). Археометрические исследования сфероконических сосудов из раскопа СС Болгарского городища: местное производство и алхимическое назначение? 163
- А. А. Пескова, А. Ю. Кононович (Санкт-Петербург, Россия), С. С. Зозуля (Москва, Россия). Ювелирные украшения в литургическом убранстве древнерусской церкви (по материалам раскопок Н. Е. Бранденбурга в Старой Ладоге в 1887 г.) 177
- Э. Д. Зиливинская, Е. Е. Антипина (Москва, Россия). Загадочный амулет из могильника Солёный 2 на Тамани 203

АРХЕОЛОГИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

- Г. А. Терновая (Москва, Россия). Изображения персонажей с перекрестно сложенными руками в искусстве Семиречья и Южного Казахстана VI—X вв. (по материалам археологии) 217
- А. А. Харламова (Харьков, Украина). Гермовидные средневековые изваяния Среднего Подонцовья: вопросы интерпретации и хронологии 233
- Е. А. Тянина (Москва, Россия). Антропоморфная деревянная скульптура как категория языческих древностей средневекового Новгорода (хронология, топография, семантика) 245
- Е. А. Шинаков, А. А. Чубур (Брянск, Россия). Орнитоморфные сюжеты на лучевых височных кольцах: семантика и мифологические истоки 259

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

- Н. А. Плавинский (Варшава, Польша), В. Н. Тарасевич (Минск, Беларусь). Бескуранные погребения кривичей по материалам некрополя Навры II Мядельского района Минской области Республики Беларусь 273
- М. В. Квитницкий (Киев, Украина), Н. П. Тельнов (Кишинёв, Молдова), А. Тюрк (Будапешт, Венгрия). Древневенгерское погребение у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра 303
- С. В. Васильев (Москва, Россия), Н. А. Тропин (Елец, Россия), С. Б. Боруцкая (Москва, Россия). Археолого-антропологическое исследование затерянного сельского некрополя Елецкого княжества 319

ДИСКУССИИ

- А. А. Романчук (Кишинёв, Молдова). Этноним *русь* и восточногерманское *rauþs 'красный': еще раз к обоснованию гипотезы 335
- А. А. Бесков (Нижний Новгород, Россия). Мифология, вооруженная лопатой, или Возможна ли археология сверхъестественного? 345

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ НИКОЛАЕВИЧА КИРПИЧНИКОВА

- А. Е. Мусин (Варшава, Польша), Б. М. Станиславски (Вроцлав, Польша). Ладога и Волин как узловые центры трансбалтийских контактов между польскими землями и Северо-Западом Восточной Европы в X в. 361
- И. Д. Гуревич (Щецин, Польша). От оружия универсального до специального? Копейный бой славян на фоне военных практик народов Европы эпохи раннего Средневековья. Избранные примеры 383
- П. Куцыпера (Лодзь, Польша), С. Вадыль, П. Ган (Варшава, Польша). Снаряжение всадника и верхового коня средневекового некрополя Цепле в северной Польше в свете археометаллургических исследований 395
- Р. Ливох (Краков, Польша). Булавы и кистени неизвестного происхождения из Археологического музея в Кракове 409
- Т. Курасиньски (Лодзь, Польша). Прошлое, сохраненное в камне. О необычном оружии Средневековья и раннего Нового времени 415
- А. Болдырев, Т. Грабарчик (Лодзь, Польша). Ротмистр Александр Сенявский герба Лелива и его конная рота в 1557 году 427

РЕЦЕНЗИИ И ПРЕЗЕНТАЦИИ

- И. Ю. Ващева, В. А. Грозова (Нижний Новгород, Россия). Лев VI и вызовы ислама (Размышления по поводу книги: M. L. D. Riedel. *Leo VI and the Transformation of Byzantine Christian Identity. Writings of an Unexpected Emperor*. Cambridge, 2018) . . . 435
- Д. А. Топал (Кишинёв, Молдова). [Рец.:] Yotov V., Kolias T. G., Eger C. 2021. *Swords in Byzantium. Studia Militaria Balcanica II-1*. Varna: Slavona 447

НЕКРОЛОГ

- С. Н. Травкин (Санкт-Петербург, Россия). Сергей Васильевич Белецкий — Ученый и Учитель 449

- Список сокращений 453
- Авторам *Stratum plus* 457

CONTENTS

ARCHAEOLOGY OF THE AFTERWORLD

- M. M. Kazanski** (*Paris, France*), **A. V. Mastykova** (*Moscow, Russian Federation*). **Dogs in the Burial Rite of the Sambian-Natangian Culture of the Great Migration Period and the Early Middle Ages and Warriors-Werewolves** 15
- V. S. Aksonov** (*Kharkiv, Ukraine*). **“It’s Death that Comforts us, Alas and Makes us Live...”** (notes to the burial rituals of the Alanian population of the Saltovo-Mayaki culture based on the materials from the Verkhne-Saltovsky burial ground) 31
- S. G. Botalov** (*Yekaterinburg; Chelyabinsk, Russian Federation*). **Cult and Religious Concepts among the Medieval Nomads of the Southern Urals (Based on the Materials of the Uelga Burial Complex)** 45

BELIEFS, RITUALS AND MAGIC PRACTICES

- I. R. Akhmedov** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **N. A. Birkina** (*Moscow, Russian Federation*), **Yu. V. Loshina** (*Ryazan, Russian Federation*). **Pagan Sanctuaries on Old Ryazan Hillfort** 65
- G. V. Trebeleva**, **L. V. Yavorskaya** (*Moscow, Russian Federation*), **A. S. Kizilov** (*Sochi, Russian Federation*), **S. M. Sakania**, **Z. G. Khondzia** (*Sukhum, Abkhazia*). **Sacrificial Rituals in the Towers of the Markul Settlement: Interpretation of the Results of Archaeological Research** 85
- A. A. Porsin** (*Magnitogorsk, Russian Federation*). **“Bacteriological Attack” of 1346 in Kaffa and Magical Practices of Medieval Nomads** 99
- Yu. V. Seleznev** (*Voronezh, Russian Federation*). **Execution on a Moonless Night: on the Question of the Sacredness of the Execution of a Death Sentence in the Golden Horde** 109
- A. A. Novik** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Sorcerers and Witches: Magical Practices of the Albanians of Ukraine in the Paradigm of Anthropology** 115

CULT OBJECTS

- V. N. Guryanov**, **A. A. Chubur** (*Bryansk, Russian Federation*). **“Ab ovo”: Painted Eggs in the Kurgan Burial Rite of Eastern Slavs** 127
- N. N. Seregin** (*Barnaul, Russian Federation*). **Cult Artifacts among the Early Medieval Turks of Central Asia: Experience in the Interpretation of Archaeological Materials** 135
- V. N. Kuznetsova**, **V. Yu. Sobolev** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **R. Spirģis** (*Riga, Latvia*). **Spoon-shape Pendants of the 11th—13th Centuries in the Medieval Russian and Baltic Lands** 145
- R. Kh. Khrumchenkova**, **V. N. Bakhmatova**, **A. G. Sitdikov** (*Kazan, Russian Federation*). **Archeometric Studies of Sphero-conical Vessels from the CC Dig of the Bolgar Settlement** 163
- A. A. Peskova**, **A. Yu. Kononovich** (*Saint Petersburg, Russian Federation*), **S. S. Zozulia** (*Moscow, Russian Federation*). **Jewelry in the liturgical decoration of the Old Russian church (Based on materials from excavations by N. E. Brandenburg in Staraya Ladoga in 1887)** . . . 177
- E. D. Zilivinskaya**, **E. E. Antipina** (*Moscow, Russian Federation*). **Mysterious Amulet from the Cemetery Solyony 2 on Taman** 203

ARCHAEOLOGY OF CONCEPTS

- G. A. Ternovaya** (*Moscow, Russian Federation*). **Images of Characters with Folded Arms in art of Semirechye and South Kazakhstan 6th—10th centuries (based on archeology materials)** . . 217
- A. A. Kharlamova** (*Kharkiv, Ukraine*). **Herma-shaped Medieval Sculptures in the Basin of the Middle Reaches of the Siversky Donets: Issues of Interpretation and Chronology** . . . 233
- E. A. Tianina** (*Moscow, Russian Federation*). **Anthropomorphic Wooden Sculpture as a Category of Pagan Antiquities of Medieval Novgorod (Chronology, Topography, Semantics)** . . . 245
- E. A. Shinakov**, **A. A. Chubur** (*Bryansk, Russian Federation*). **Ornitomorphic Plots on Radial Temporal Rings: Semantics and Mythological Origins** 259

RESEARCH AND PUBLICATIONS

- M.A. Plavinski** (*Warsaw, Poland*), **V.M. Tarasevich** (*Minsk, Belarus*). Flat Burials of Krivichi Based on the Materials of the Naŭry II Necropolis of the Miadziel District, Minsk Region of the Republic of Belarus 273
- M.V. Kvitnytskyi** (*Kyiv, Ukraine*), **N.P. Telnov** (*Kishinev, Moldova*), **A. Türk** (*Budapest, Hungary*). Ancient Hungarian Grave near Glinoe Village on the Left Bank of the Lower Dniester . . . 303
- S.V. Vasilyev** (*Moscow, Russian Federation*), **N.A. Tropin** (*Yelets, Russian Federation*), **S.B. Borutskaya** (*Moscow, Russian Federation*). Archaeological and Anthropological Study of the Lost Rural Necropolis of the Yelets Principality 319

DISCUSSIONS

- A.A. Romanchuk** (*Kishinev, Moldova*). The Ethnonym *русъ* and the East-Germanic *raups ‘Red’: new contributions to the hypothesis 335
- A.A. Beskov** (*Nizhny Novgorod, Russian Federation*). Mythology Armed with a Shovel, or Is Archaeology of the Supernatural Possible? 345

AD MEMORIAM ANATOLY N. KIRPICHNIKOV

- A.E. Musin** (*Warsaw, Poland*), **B.M. Stanisławski** (*Wrocław, Poland*). Ladoga and Wolin as Nodal Centers of Trans-Baltic Contacts between Polish Lands and North-West of Eastern Europe in the 10th Century 361
- I.D. Górewicz** (*Szczecin, Poland*). From Universal to Specialized Weapons? The Techniques of Spear Fighting of Slavs vs. Other Peoples in the European Early Middle Ages. Selected Examples 383
- P. Kucypera** (*Łódź, Poland*), **S. Wadył**, **P. Gan** (*Warsaw, Poland*). Equestrian Equipment and Horse Harness from Cieple in Northern Poland in the Light of Archaeometallurgical Examinations 395
- R. Liwoch** (*Kraków, Poland*). Medieval Mace Heads and Flail Striking Heads of Undetermined Provenience from the Archaeological Museum in Cracow 409
- T. Kurasiński** (*Łódź, Poland*). The Past Is Written in Stone. About Unusual Weapons in the Middle Ages and Early Modern Times 415
- A. Boldyrew**, **T. Grabarczyk** (*Łódź, Poland*). Captain Alexander Sieniawski, Coat of Arms Leliwa, and his Cavalry Unit in 1557 427

REVIEWS AND PRESENTATIONS

- I. Yu. Vascheva**, **V.A. Grozova** (*Nizhny Novgorod, Russian Federation*). Leo VI the Wise and Islam Challenges. (Reflections on the book: M.L.D. Riedel. *Leo VI and the Transformation of Byzantine Christian Identity. Writings of an Unexpected Emperor*. Cambridge, 2018) . . 435
- D.A. Topal** (*Kishinev, Moldova*). [Review:] Yotov V., Kolias T. G., Eger C. 2021. *Swords in Byzantium*. *Studia Militaria Balcanica* II-1. Varna: Slavena 447

OBITUARY

- S.N. Travkin** (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Serge V. Beletsky** — Scientist and Teacher . . 449

- Abbreviations 453
- Submissions 457

И. Ю. Ващева, В. А. Грозова

Лев VI и вызовы ислама.
(Размышления по поводу книги: M. L. D. Riedel. Leo VI
and the Transformation of Byzantine Christian Identity.
***Writings of an Unexpected Emperor*. Cambridge, 2018)**

Keywords: Meredith Riedel, Leo VI the Wise, Christianity, Byzantine, religious identity, "Tactica" of Leo the Wise, Abbasid Caliphate

Cuvinte cheie: Meredith Riedel, Leo VI cel Înțelept, creștinism, Bizanțul, identitate religioasă, „Tactica” lui Leon Înțeleptul, califatul Abbasizilor

Ключевые слова: Меридит Ридель, Лев VI Мудрый, христианство, Византия, религиозная идентичность, «Тактика» Льва Мудрого, халифат Аббасидов

I. Yu. Vascheva, V.A. Grozova

Leo VI the Wise and Islam Challenges. (Reflections on the book: M. L. D. Riedel. Leo VI and the Transformation of Byzantine Christian Identity. *Writings of an Unexpected Emperor*. Cambridge, 2018)

This article examines a range of problems related to the formation of the military-political doctrine of the Byzantine Empire in the X century and the role of the Byzantine Emperor Leo VI the Wise in these events. The impetus for the appearance of this article was the publication in 2018 of M. Riedel's monograph 'Leo VI and the Transformation of Byzantine Christian Identity' (Riedel M. L. D. Leo VI and the Transformation of Byzantine Christian Identity. *Writings of an Unexpected Emperor*. Cambridge, 2018). The monograph is distinguished by a non-standard approach to the writings of the Byzantine emperor, the desire to study them together in order to discover the idea that unites them all. The author, indeed, manages to show how, with the help of the religious idea, Leo VI the Wise builds a completely new military-political doctrine of the Byzantine Empire and responds to the challenges of modernity. The monograph shows that the problem of the relationship between the Christian and Muslim worlds, considered in the categories of "us" — "them", is relevant not only for the era of the Crusades, but manifests itself much earlier, shows the need to study these images, special vocabulary, mental stereotypes, etc. Therefore, this monograph can be the beginning of a whole trend in modern Byzantine studies. At the same time, the authors point to a number of aspects which are addressed only in part or not dealt with at all by the British researcher, while their study could contribute to a more comprehensive understanding of Leo the Wise's personality and his reign.

I. Yu. Vascheva, V.A. Grozova

Leon VI și provocările islamului. (Meditații asupra cărții: M. L. D. Riedel. Leo VI and the Transformation of Byzantine Christian Identity. *Writings of an Unexpected Emperor*. Cambridge, 2018)

În acest studiu este discutat un cerc de probleme, legate de formarea doctrinei militar-politice a imperiului Bizantin în sec. X și rolul împăratului bizantin Leon VI Înțeleptul în aceste evenimente. Drept impuls pentru acest studiu a fost apariția în a. 2018 a monografiei lui M. Riedel „Leon VI și transformarea identității creștine bizantine” (Riedel M. L. D. Leo VI and the Transformation of Byzantine Christian Identity. *Writings of an Unexpected Emperor*. Cambridge, 2018). Monografia se evidențiază prin abordarea nestandard față de scrierile împăratului bizantin, tendința de a le studia în totalitate cu scopul de a descoperi ideea ce le unește. Autorul, într-adevăr, a reușit să arate cum, cu ajutorul ideii religioase, Leon VI Înțeleptul construiește o doctrină militar-politică absolut nouă a imperiului Bizantin și răspunde la provocările contemporaneității. În monografie este arătat că problema relațiilor reciproce între lumea creștină și cea musulmană, discutată în categoriile „al său” – „străin”, este actuală nu numai pentru epoca cruciadelor, dar se manifestă mult mai timpuriu; este arătată necesitatea studierii acestor imagini, a vocabularului deosebit, stereotipurilor mentale etc. Deci, această monografie poate pune începutul unui nou curent în bizantinistica contemporană. Totodată, autorii articolului atrag atenția la un șir de momente, insuficient dezvoltate în monografie sau deloc discutate de către cercetătoarea engleză, studiarea cărora ar putea să ajute la percepția mai aprofundată și integră a personalității împăratului Leon VI și a epocii lui de domnie.

И. Ю. Ващева, В. А. Грозова

Лев VI и вызовы ислама. (Размышления по поводу книги: M. L. D. Riedel. *Leo VI and the Transformation of Byzantine Christian Identity. Writings of an Unexpected Emperor*. Cambridge, 2018)

В данной статье рассматривается круг проблем, связанных с формированием военно-политической доктрины Византийской империи в X веке и ролью в этих событиях византийского императора Льва VI Мудрого. Импульсом к появлению данной статьи стал выход в 2018 г. монографии М. Ридель «Лев VI и трансформация византийской христианской идентичности» (Riedel M. L. D. *Leo VI and the Transformation of Byzantine Christian Identity. Writings of an Unexpected Emperor*. Cambridge, 2018). Монографию отличает нестандартный подход к сочинениям византийского императора, стремление изучить их в совокупности, с тем, чтобы обнаружить объединяющую их идею. И автору, действительно, удается показать, как с помощью религиозной идеи Лев VI Мудрый выстраивает совершенно новую военно-политическую доктрину Византийской империи и отвечает на вызовы современности. В монографии показано, что проблема взаимоотношений христианского и мусульманского миров, рассматриваемая в категориях «свой» — «чужой», актуальна не только для эпохи крестовых походов, но проявляет себя значительно раньше, показана необходимость изучения этих образов, особой лексики, ментальных стереотипов и т. д. Так что данная монография может положить начало целому направлению в современной византистике. В то же время авторы статьи обращают внимание на ряд моментов, недостаточно раскрытых в монографии или вовсе не рассматриваемых английской исследовательницей, изучение которых могло бы помочь более глубокому и целостному восприятию личности императора Льва VI и эпохи его правления.

Мереди́т Риде́ль — английский историк-византист, специализирующийся в области политической мысли Византии и взаимоотношений Византии и Арабского халифата VII—XI вв. Недавняя монография М. Ридель, вышедшая в 2018 году в издательстве Кембриджского университета, продолжает ее исследования в области взаимоотношений Византийской империи времен Македонской династии с арабо-мусульманским миром. Проблематика взаимоотношений христианской (православной) империи с мусульманским миром с каждым годом становится все более актуальной и востребованной. Думается, и данная монография обретет своего читателя и в России, и за рубежом.

Оригинальность данной работы Мереди́т Риде́ль начинается с ее названия «Leo VI and the Transformation of Byzantine Christian Identity. Writings of an Unexpected Emperor», которое можно перевести как «Лев VI и трансформация византийской христианской идентичности. Сочинения непредсказуемого/неожиданного императора». Лев VI действительно представлял собой очень необычную фигуру на византийском престоле IX—X вв. В отличие от своих предшественников, он не имел военного опыта и был, скорее, ученым на троне. Он получил прекрасное духовное образование под руководством патриарха Фотия, но он же сместил его с патриаршего престола. Лев старался быть праведным императором и ревностным христианином и, как показывает исследовательница, свято верил в свою особую религиозную миссию, но впоследствии был отлучен от церкви из-за своего 4-го брака. Различные исследования показывают нам разные стороны биографии этого императора, при этом часто не связывая их друг с другом. В данной же монографии

автор выявляет, что в основе всей его деятельности лежали не столько чисто прагматические соображения сиюминутного характера, сколько масштабная религиозная идея. Именно эта религиозная идея пронизывает всю законотворческую деятельность Льва Мудрого, ярко проявляется в его гомилиях и даже в военных трактатах и во многом определяет мотивацию его поступков. Именно эта сторона деятельности Льва VI и привлекает внимание исследовательницы и впервые становится предметом научного изучения.

При этом в монографии хорошо показано, что, несмотря на блестящее духовное образование, общий морализаторский, духовно-назидательный тон законодательства Льва и всех его сочинений, склонность к написанию духовной поэзии и религиозных гимнов, Лев VI не был религиозным фанатиком. Прежде всего, он преследовал политические цели, а именно — создание особой Христианской Политии. При всей консервативности византийского общества Лев VI разрабатывает новую военно-политическую концепцию, в которой основное место отводится христианской идее.

Нужно сказать, что несмотря на устойчивый интерес ученых к эпохе правления Македонской династии в Византии, правлению Льва VI и его мероприятиям на сегодняшний день посвящено не так много крупных работ. Пожалуй, можно вспомнить лишь монографию Н. Г. Попова (Попов 1892) и недавнюю работу Ш. Тафера (Tougher 1997). Однако в первой работе царствование Льва VI рассматривается с церковно-исторической точки зрения, с позиции Константинопольского патриархата, для автора правление византийского императора Льва VI представляет интерес, прежде всего, «для исследования

судеб византийско-восточной церкви» (Попов 1892: I). Вторая монография посвящена политической истории правления Льва VI и ключевым персонажам этой истории (Tougher 1997: 21). Поэтому монография М. Ридель, претендующая на комплексный анализ деятельности императора Льва, представляется новой и в значительной степени уникальной. Большинство существующих на сегодняшний день научных исследований, так или иначе касающихся истории Византии в период правления Льва Мудрого, посвящено отдельным аспектам данного этапа византийской истории, среди которых можно выделить военную историю (Кучма 1997; 2001; 2009; Dennis 1985; Bonner 1996; Haldon 2007), религию, культуру и философскую мысль Византийской империи (Каждан 1965; 1968; Kadzhan, Epistein 1985; El-Cheikh 2004; Koder 1991), политический строй и статус императора (Tougher 1996; 1997), законодотворчество в Византийской империи (Fögen 1989; Laiou, Simon 1994) и многие другие аспекты. Однако эти работы не дают целостного восприятия эпохи Македонского возрождения, понимания мотивов, которыми руководствовались первые императоры Македонской династии, и причин возрождения Византийской империи после серьезных кризисов VIII — начала IX вв.¹ Как показывает М. Ридель, подход предшественников не может составить полную картину религиозно-политических реалий византийского общества второй половины IX—X вв. Во многом, это связано и с тем, что исследователи традиционно опираются на широко известные сочинения Льва VI, в основном на его «Тактику». Работа же М. Ридель построена на анализе широкого круга источников не только византийского, но и арабского и сирийского происхождения. Однако ценность данного исследования, на наш взгляд, состоит не столько в широте источниковой базы, сколько в том, что автор уделяет самое пристальное внимание непосредственно литературным трудам самого императора, — речам, стихам, законодательным памятникам, начатым еще Василием I, руководству по военному делу. Впервые данные сочинения, а именно «Тактика» Льва (Тактика 2012), «Василики» (Basilicorum

libri LX 1833—1850), 113 новелл императора и 42 гомилии (Leonis VI Sapientis Imperatoris Byzantini Homiliae 2008), написанные самим Львом VI, рассматриваются как единый источниковый комплекс, раскрывающий мировоззрение автора и истинный смысл его политической деятельности.

М. Ридель стремится найти то общее, что объединяет все сочинения Льва IV Мудрого и столь разные сферы его деятельности. Она обращает внимание на специфический язык всех сочинений необычного императора, обилие библейских цитат, христианских аллюзий и образов, которыми пронизаны все его сочинения, и впервые, наверное, ставит вопрос о том, как с помощью христианской идеологии император обосновывает свои исключительные права на престол, позиционирует Византийское государство на международной арене, выстраивает совершенно новую военно-политическую доктрину Византийской империи и обосновывает специфическую византийскую культурную идентичность (Riedel 2018: 28). Именно исключительная роль императора Льва в формировании христианской православной идентичности является главным тезисом автора.

При этом М. Ридель рассматривает различные аспекты формирования и поддержания Византийской государственности, противопоставляя идеологию христианскую идеологии мусульманской. Именно противостояние Византийской империи с исламским миром является для исследовательницы важнейшим фактором формирования новой христианской идентичности византийцев. Автор обращает внимание на особое географическое и внешнеполитическое положение империи. Во-первых — это соседство с Арабским халифатом, во-вторых — неспокойная обстановка на Балканах, далее — Средиземноморье и деятельность морских пиратов-мусульман, а, следовательно, перманентное состояние войны, которое стало неотъемлемой частью повседневной жизни Византийской империи. Особая роль среди этих вызовов, по мнению автора, принадлежала давлению со стороны арабо-мусульманского мира. В условиях постоянной внешней угрозы и формируется особенная идеология, основанная на религиозных началах, поддерживающая целостность империи, и которая могла быть противопоставлена мусульманской концепции священной войны. Именно эта религиозная идея, положенная Львом Мудрым в основу своей политики, становится предметом научного исследования в данной монографии.

¹ Первоначальный интерес исследовательницы был связан с тем, как христианская империя, менее чем за 20 лет в начале VII века потеряв в столкновении с арабами две трети своей территории, не только сумела выжить и восстановить свои границы, но и пережить новый расцвет и возрождение (Idem. P. XI).

Структура работы последовательно раскрывает направляющую роль этой религиозной идеи в разных сферах жизни Византийской империи X века. Особенностью работы является то, что каждая глава выступает как самостоятельное независимое исследование (Riedel 2018: 14) и поднимает новые и актуальные проблемы. Первая глава погружает читателя в контекст эпохи и посвящена особенностям взаимоотношений церкви и власти на территории Византии во время правления Льва VI. Начиная с общей характеристики правления Льва VI, автор переходит к частным и более конкретным вопросам о военной идеологии и образе идеального византийского военачальника, к проблемам сакрализации власти и концепции богоизбранности византийского народа.

Значительная часть работы (со 2 по 4 главы включительно) показывает общий подход византийцев к войне, их представления об идеальном полководце и об устройстве армии.

Далее (главы 5—6) раскрываются вопросы политической легитимации власти императора (Новый Соломон и имперская сакральность). Последние главы (главы 7—9) показывают, как проявляется эта религиозная идея в гомилиях, обращенных к подданным, которых Лев VI старается представить новым «избранным народом» и соответственно показать всю систему мироустройства с этих позиций.

Таким образом, автор поднимает очень широкий круг сложнейших и практически не исследованных проблем, каждая из которых могла бы стать темой отдельной монографии. А все эти аспекты, рассматриваемые в совокупности, дают совершенно новый взгляд на правление императора Льва VI и кардинальные изменения в характере византийского общества. Автор стремится показать смысл и назначение этих трансформаций, в чем и состоит, на наш взгляд, научная новизна и исключительная значимость данной работы.

Одним из основных источников в работе Мередит Ридель выступает «Тактика» Льва VI — самый всеобъемлющий полемологический труд за всю историю Византии (Тактика 2012: 9). Данное сочинение не раз привлекало внимание исследователей, которые давали ему самые разные оценки, однако вопрос о том, почему византийский император, не имеющий практического военного опыта и соответствующей подготовки, берется за составление подобного труда и что нового он хочет сказать по сравнению с аналогичным сочинением полководца Маврикия, до сих пор оставалось без ответа.

М. Ридель акцентирует внимание на том, что «Лев трижды заявляет, что его побудила написать книгу сарацинская угроза и явно неудовлетворительная защита Византии, однако он мало что предлагает с точки зрения новой тактики противодействия новому врагу» (Riedel 2018: 56). Она отмечает, что большинство предшествующих работ касались частных аспектов этого огромного труда, преимущественно связанных с новой системой набора войска, либо с тактикой военно-морских сражений. Данная же работа ставит своей целью анализ идеологических элементов, позволяющих пересмотреть более общие цели императора Льва (Riedel 2018: 56).

Значение исламского фактора в политике Льва VI исследователи отмечали и ранее. Например, В.В. Кучма отмечает: «За 300 лет, отделяющих «Тактику» от «Стратегикона», на роль главных военных соперников империи выдвинулись именно неизвестные Маврикию (или сознательно проигнорированные им?) арабы, сплотившиеся под знаменем ислама. Это был противник, совершенно уникальный на фоне всех ранее существовавших. Говоря словами Ж. Дагрона, появление ислама сделало неактуальным все то, что до этого было сказано о войне и армии» (Dagron, Mihaescu 1986; Кучма 2001: 76).

Отмечалось также, что комплексное осмысление всех тех изменений не только в военной плоскости, но и в социально-политической и в целом мировоззренческой, которые вызвало появление ислама, было под силу далеко не каждому их современнику. «История византийско-арабского противостояния уже отмерила четверть тысячелетия, когда явился, наконец, писатель, чье мышление оказалось соизмеримым с масштабностью анализируемого феномена» (Кучма 2001: 77). Однако мышление этого писателя, а именно мировоззрение императора Льва Мудрого, до сих пор еще не становилось предметом специального исследования ученых. Работа М. Ридель впервые касается именно этой проблематики.

Итак, как показывает исследовательница, главной причиной создания «Тактики» Льва стала именно арабская угроза. Анализируя причины масштабных военных успехов арабов, Лев Мудрый акцентирует не только и не столько специфику их военной организации, сколько морально-психологическое состояние войска, сплоченного и воодушевленного идеей «священной войны», джихада. Соответственно для организации успешно-

го отпора такому противнику Византии необходимо не только организационная перестройка вооруженных сил с учетом арабского опыта, но и формирование новой «военно-доктринальной системы, построенной на постулатах избранничества и провиденциализма» (Кучма 2001: 78). В противовес исламской идеологии Лев VI разрабатывает концепцию «христолобивого воинства», согласно которой высшее предназначение армии ромеев состоит в том, чтобы «ратоборствовать во имя торжества православия» (Tactica, XVIII, 19. Col. 949D). Таким образом, столкнувшись с исключительной эффективностью арабского войска, сплоченного религиозной идеей ислама, Лев VI впервые за 250 лет противостояния с мусульманами приходит к выводу о необходимости противопоставить мусульманской военной идеологии собственную, христианскую идею. Именно эта идея должна воодушевлять воинов, спланировать войско и вести его в бой. Однако основные составляющие этой идеи будут другие.

Третья глава монографии, посвященная сопоставлению идеи Священной войны в Византии с концепцией джихада в арабо-мусульманской идеологии, на наш взгляд, может претендовать на решение историографического вопроса о том, существовала ли византийская идеология ведения войны, какое место занимают в ней религиозные мотивы и можно ли рассматривать ее именно как концепцию «Священной войны».

Согласно выводу Мереди Ридель, религия в Византии использовалась для военных и политических целей, но в конечном счете не позволила распространить идею Священной войны на территории Империи, а повсеместная милитаризация на пограничных территориях имела лишь защитный, оборонительный характер в зоне постоянных столкновений.

В отечественной историографии идея о христианской военной идеологии ранее уже высказывалась В.В. Кучмой (Кучма 2001: 78): Лев Мудрый, видя военные успехи идеологического и политического противника в лице халифата, стремился воспитать и дать наставления подвластному ему войску на основании тех знаний об исламе, которые были доступны ему. Формирование такой идеологии В.В. Кучма объясняет наличием религиозного воздействия на все сферы жизни арабо-мусульманского общества и, соответственно, особенной военной организацией мусульманского государства и морально-психологическим состоянием войска.

Со стороны византийского императора именно «Тактика» взяла на себя функцию обоснования военных действий с точки зрения христианства.

В зарубежной историографии византийская идеология войны и концепция «священной войны» Византии обсуждаются уже довольно давно и международный симпозиум в Вене в 2011 году² показал нерешенность многих спорных вопросов. Греческая исследовательница А. Коля-Дермицаки в статье «“Священная война” в Византии 20 лет спустя ...» (Holy war in Byzantium twenty years later. A question of term definition and interpretation) (Kolia-Dermizaki 2012) прекрасно показывает неопределенность терминологии, используемой в современной исторической литературе. Она показывает, что термин «священная война» используется в византийских источниках крайне редко и означает внутрицерковные конфликты, поэтому к внешнеполитической деятельности он не приложим. Гораздо более подходящим к византийским реалиям термином является понятие «справедливой» войны, под которой понимается оборонительная война в защиту веры и отечества. М. Ридель также обращается к анализу терминологических аспектов, но подходит к нему с другой стороны, с точки зрения исламской концепции «священной войны». Она отмечает, что в христианской догматике такой термин не существует вовсе, а в исламе понятие «джихада», понимаемого западными исследователями как «священная война», на самом деле имеет несколько трактовок и уровней понимания.

М. Ридель считает неверным считать византийскую военную идеологию христианизированной версией джихада, хотя некоторые исследователи и склонны рассматривать отчетливо религиозный характер византийской реконкисты десятого века основанием для того, чтобы считать ее примером «священной войны» (Riedel 2018: 71). Стремясь показать фундаментальные различия в военной идеологии Халифата и Византии, она приходит к выводу о том, что концепция «Священной войны» Византийской империи, если и была сформирована Львом VI, то исключительно как ответная реакция на мусульманскую идею джихада. Определенное сходство можно усмотреть в том, что и в исламе джихад обосновывается необходимостью за-

² Byzantine War Ideology between Roman Imperial Concept and Christian religion. Akten des Internationalen symposiums (Wien, 19.–21. Mai 2011). Hrsg. Von Johannes Koder und Ioannis Stouraitis. Wien. 2012.

щиты уммы, и в концепции Льва VI христианские солдаты выступали не только как защитники своего отечества, а как защитники именно христианской ойкумены. Это, по мнению автора, единственное существенное сходство двух военных доктрин. Существующие же колоссальные идеологические различия не позволяют приравнять два этих понятия друг к другу. Говоря об отличительных чертах «Священной войны Византии», важно отметить аргументацию М. Ридель. Во-первых, как отмечает автор, предыдущие исследователи обратили внимание на то, что война Византии никогда не рассматривалась как война против неверных, как это принято в исламской традиции. Во-вторых, христиане не возлагали ответственность на Всевышнего за военные действия, война не могла быть связана с религиозным призывом к оружию из уст Бога. Третий аргумент заключается в том, что в христианской войне, в отличие от мусульманской, не было никакой дополнительной «награды» за смерть на поле боя³. Как видим, подобные рассуждения неизбежно ведут как автора, так и читателя к сравнению двух военных концепций, позволяя выделить общую идею защиты собственных религий, которые выступали маркером идентичности в каждом из государств. В то же время, как убедительно показывает автор, нельзя считать христианскую религиозную идею полным аналогом мусульманской. Христианская концепция обнаруживает совершенно иной характер войны («справедливая» война могла носить только оборонительный характер,

и она не была войной против «неверных»), иное отношение к войску и смерти на поле боя. Как показывает М. Ридель, использование религиозной идеи в формировании военно-политической доктрины в X веке носило умеренный характер и уже само по себе представлялось большим новшеством. Так, М. Ридель подводит читателя к выводу о том, что само понятие «Священной войны» оказывается мало применимым к византийской действительности и во многом является искусственным конструктом и изобретением современных исследователей.

Второй стороной деятельности императора Льва является его грандиозная законотворческая деятельность, которая обычно рассматривалась как переработка и систематизация Юстинианова законодательства исключительно для удобства применения законов, однако в более широком контексте как часть религиозной миссии императора данные законы не рассматривались.

М. Ридель связывает эти две стороны ведения через выявление более глубокой религиозной идеи, пронизывающей всю деятельность этого неординарного императора. Как показывает автор в пятой главе монографии, которая носит название «A New Solomon» («Новый Соломон»), целью Льва VI здесь было обоснование особого *статуса правителя*. Один из тезисов М. Ридель заключается в том, что власть императора имела достаточно слабое, шаткое положение, поскольку Лев не имел поддержки ни со стороны войска, ни со стороны православной церкви. Лев VI не имел военного образования, военного опыта или боевых заслуг, так что на славу победоносного и непобедимого императора ему рассчитывать не приходилось. Религиозное образование и авторитет патриарха Фотия — наставника Льва также не способствовали утверждению его власти. В центре всех торжеств X века стоял Бог, а не правитель. Плюс ко всему, именно Лев сместил патриарха Фотия с его поста, а в конце своего правления он и вовсе был отлучен от церкви из-за своего четвертого брака, считавшегося греховным и незаконным. Даже в военных вопросах правитель подчинялся ограничениям, наложенным патриархами. В этих условиях Лев, с одной стороны, активно занимается развитием военной науки, поскольку от его деятельности зависит безопасность и благополучие подданных и всех христиан, а с другой, укрепляет свою власть с помощью поиска библейских аллюзий. Именно этой цели подчинены пропаганда лично-

³ Смерть мусульманина на поле битвы — это доказательство истиной веры в исламе, таких воинов называют шахидами, что дословно означает «павший на войне, мученик или жертва». По мысли Льва, ромейский стратиот сражается на поле боя за спасение своей души (Tactica, XIV, 35. Col. 860A), и если ему уготована гибель, он может твердо уповать на то, что его жертва будет вознаграждена Богом (Ibid. Col. 697 D — 700 A; XII, 71. Col. 825 D; XIV, 116. Col. 885 A-B; XX, 72. Col. 1032 D); всем тем, кто положил свою жизнь за веру и за братьев по вере, будет уготовано вечное блаженство (подробнее см.: Dagron, Mihaescu 1986: 286). Отсюда уже совсем близко до признания стратиотов, павших в борьбе с исламом, «мучениками веры»; однако интервал, отделяющий простого смертного от персонажа мартиролога, все же оставался незакрытым. Когда же шесть десятилетий спустя Никифор II Фока предпринял попытку этот рубеж преодолеть (по свидетельству Скилицы, он повелел, чтобы солдаты, павшие в сражениях, были почитаемы наряду с мучениками и прославляемы подобающими гимнами), данное распоряжение императора — полководца оказалось в ряду обстоятельств, стоявших ему трона и жизни (См.: Dagron, Mihaescu 1986: 286).

го благочестия в проповедях для придания Льву Мудрому статуса «божьего ставленника», а также прославление его «мудрости», проявлявшейся, прежде всего, в законотворческой деятельности. Именно активная законодательная деятельность, по мысли М. Ридель, прославляет его как «нового Соломона» и обосновывает исключительность его статуса и всю полноту власти.

Следующий большой пласт в наследии Льва VI не случайно составляют гомилии — речи с совершенно четким религиозно-назидательным смыслом, которые обычно практически не рассматриваются исследователями. Единственное исключение составляет здесь работа Теодоры Антонополу (Antonopoulou 1997), посвященная переводам гомилий Льва Мудрого.

Большую роль в исследовании Мередит Ридель играет аналитическая работа с библейскими текстами на различных языках раннего Средневековья. Так, предпоследняя, VIII глава (*Byzantines 'Chosen People'*) кажется нам наиболее интересной, поскольку автором были выделены прямые аллюзии и параллели, вводимые самим Императором, который сравнивает себя с царем Соломоном, а византийский народ с народом Израиля для того, чтобы идентифицировать византийцев как преемников библейских израильтян.

Автор показывает и то, какими средствами Лев VI утверждает себя в образе «Нового Соломона». Соломон — правитель объединённого Израильского царства в период его наивысшего расцвета, само имя Соломон означает «мирный» и 40 лет его правления прошли мирно. Соломон — мудрейший из людей и справедливый судья, автор притч и псалмов. Действительно, в правлении Льва и Соломона усматривается множество параллелей. Само прозвище «Мудрый» предполагало создание справедливых законов, поскольку Соломон испросил у Бога «сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло; ибо кто может управлять этим многочисленным народом Твоим?» (3 Книга Царств, 3, 9). Именно с этого и начинается своя деятельность Лев VI. Даже внешние атрибуты устанавливают прямые параллели с ветхозаветным царем Соломоном. Современники могут лицезреть императора, восседающего на троне, полностью повторяющем «трон Соломона»⁴.

Однако в монографии образу Льва VI как «нового Соломона», к сожалению, посвящено всего несколько страниц (с. 118—121). Развитие этой мысли, на наш взгляд, позволило бы воссоздать действительно уникальную картину византийского средневековья, показать те особенности мировоззрения императора, которые и толкают его к активной деятельности.

Более того, некоторые сомнения вызывает мысль о том, что Лев VI начинает столь активную преобразовательную деятельность и утверждает себя «Новым Соломоном», чувствуя свою неуверенность и шаткое положение на троне. Подобные действия могли вызывать, скорее, недовольство разных слоев населения и еще более осложнить его положение. Однако это ничуть не останавливало императора. Вероятно, не в этой неуверенности стоит искать причину тех преобразований, на которые решается Лев Мудрый.

Еще одной очень важной мыслью, представленной в данной главе, на наш взгляд, является мысль о формировании с помощью той же религиозной идеи особой культурной идентичности византийцев (ромеев). Как показывает М. Ридель, Лев VI целенаправленно выстраивает образ христиан как избранного народа, утверждая свою собственную божественную избранность, апеллируя к ранним каноническим указам о правильном поведении для христианской политики, расширяя православную политическую идентичность через присвоение ветхозаветной истории народа Израиля, чей «воинственный Бог спас свой избранный народ от всех опасностей и обеспечил победу над их врагами» (Riedel 2018: 154)⁵. Именно это понимание византийского общества как сообщества христиан, как «избранного народа», по мысли императора, должно было сплотить поликонфессиональную и полиэтничную империю перед лицом сильного врага, уверенного в своей исключительности и правой вере. Таким образом,

---

чистым золотом; к престолу было шесть ступеней; верх сзади у престола был круглый, и были с обеих сторон у места сиденья локотники, и два льва стояли у локотников; и еще двенадцать львов стояли там на шести ступенях по обе стороны. Подобного сему не бывало ни в одном царстве» (3 Царств 10:18—20).

⁵ Стоит заметить однако, что, согласно Ветхому Завету, Господь наказал Соломона за его отступление от истинной веры и отнял у его сына власть над объединенным Израильским царством и распалось царство на две части (3 Книга Царств), дом Господень, дом царя и все дома большие сожжены и стены города разрушены, весь народ отведен в Вавилон и т. д. (4 Царств 8).

---

⁴ Согласно тексту Третьей книги Царств, «сделал царь большой престол из слоновой кости и обложил его

формирование новой византийской идентичности должно было стать еще одним ответом на вызовы IX—X вв.

Продолжая размышления Мереди Ридель, можно отметить, что многонациональная империя в лице Византии и сам император, в попытках найти обоснование для политического, морального и общекультурного единства, обращаются к религиозной идее восточного христианства, единственно способного объединить Византию времен Льва VI.

Такую же ситуацию мы можем наблюдать и на территории, подвластной халифату Аббасидов периода конца IX века, где существовала подобная система власти, основанная на священном писании мусульман: «Благословен тот, в чьей руке власть» (Кор. 67:1). Следуя политическому контексту того времени, мы можем заметить сепаратистские тенденции в отдельных землях халифата, несмотря на факт сохранения номинальной власти Багдада и упоминания имени халифа в пятничной хутбе⁶. Это также нашло свое отображение в бюрократической системе — многие чиновники при династии Аббасидов имели персидское или сирийское происхождение, являясь таким образом «новообращенными» мусульманами, что указывает на важность именно религиозной идентичности⁷ в пределах одного многонационального государства.

Как мы видим, подобные размышления невольно подводят нас к возможности сравнения политической идеологии двух империй, фактором единства которых стала религиозная догматика противостоящих друг другу вероучений. Для дальнейшего успешного развития и поддержания мира в IX—X вв. Византии требовалось именно религиозное христианское обоснование независимости, которое было найдено Львом Мудрым — по опыту воинствующих соседей-мусульман, подчинивших многочисленные народы Магриба и Машрика и объединивших их под эгидой исламской культуры.

Исторический контекст, характеризующий частыми и достаточно продуктивными контактами с халифатом Аббасидов (здесь мы говорим не только о регулярных военных

столкновениях и набегах, но и о постоянных культурных контактах двух государств в особенности в 20—30 гг. IX в.), способствовал формированию христианской религиозной, культурной и политической идентичности в пределах византийского мира и становлению принципа «другого» или «иноного» по отношению к мусульманскому миру.

Интересно отметить, что формирование образа арабо-мусульманского общества как «иноного» в отечественной и в зарубежной современной историографии обычно не выходит за пределы темы крестовых походов поскольку именно в этот хронологический период появляются необходимость и основания для изображения общего внешнего врага христианского европейского мира, однако, исследовательница успешно доказывает, что эта концепция может быть применима и к IX веку в отношениях между Византией и Халифатом Аббасидов, что, на наш взгляд, является новым и важным в современном исследовательском поле.

Вместе с тем, не все рассуждения и тезисы автора кажутся нам абсолютно справедливыми. Некоторые утверждения вызывают определенные сомнения, а в некоторых случаях оставляют возможность иной интерпретации событий.

Так, например, М. Ридель совершенно справедливо указывает на то, что без понимания религиозного языка и риторики, библейских аллюзий и образов, мы не сможем понять, что именно двигало византийцами в той или иной ситуации.

Действительно, Лев VI воспринимает себя «новым Соломоном», сыном Давидовым, и, исходя из этой данности, выстраивает свою деятельность. Он восседает на троне, воссоздающем образ трона Соломона (1). Соломон — правитель объединенного Израильского царства в период его наивысшего могущества. Он — мудрейший из людей и справедливый судья. Именно мудрости просит Соломон у Бога, чтобы справедливо управлять своим народом. Потому и Лев VI активно занимается законотворческой деятельностью (2). Мудрость его проявляется и в его творениях (Притчи Соломоновы, Песнь Песней и др.), Лев пишет 42 гомилии (3). Даже незаконное происхождение императора Льва и вопрос о 4 браке оказываются в этом контексте не проблемами, ставящими под сомнение легитимность правителя, но законными составляющими образа Соломона (4).

Однако объяснить использование данного образа стремлением укрепить собственную

⁶ Хутба — речь или проповедь во время пятничных молитв с обязательным упоминанием имени правителя-халифа в знак верности.

⁷ В данном контексте стоило бы обратить внимание на «умму» как особую «идеологическую» форму единения мусульман, сам термин «умма» корректно понимать, как совокупность последователей Пророка во времена его деятельности, как общину верующих.

легитимность не получается. В Ветхом Завете совершенно четко указывается, что Соломон был последним царем Израильского царства и после него Царство распалось из-за того, что народ божий обратился к другим богам. Вероятно, данные образы сочетаются в мировоззрении византийцев с эсхатологическими ожиданиями, с ожиданием Второго Пришествия.

Лев VI (как новый Соломон) ревностно принимается за «очищение законов», при этом оставляя очень жестким законодательство против еретиков и евреев. Тем самым он старается очистить вверенный ему народ от скверны заблуждений. Соломон завершает строительство Храма, задуманного и начатого еще его отцом Давидом (Василием I). При Василии была построена грандиозная Новая церковь, Неа Экклесия (Νέα Ἐκκλησία), первая монументальная церковь, которая была воздвигнута в Константинополе после собора Святой Софии. Более того, в названии указывается только слово «Церковь», «Храм», вызывая прямые ассоциации с Храмом Соломона. По сохранившимся описаниям, Неа Экклесия имела пять куполов; вероятно, центральный был посвящён Христу, а ещё четыре по углам — Богородице, архангелу Михаилу, пророку Илии, святителю Николаю Чудотворцу. Столь необычный набор святых для нового главного храма тоже имеет свое объяснение и говорит о многом. Ключевой образ — Христос Пантократор, восседающий на троне; Сидя на престоле будет совершать Господь Страшный Суд (Мф. 25: 31—34, 41). Архангел Михаил — предводитель небесного воинства и защитник народа иудейского, главный борец против Дьявола и всякого беззакония среди людей. Архангел Михаил явился Иисусу Навину в качестве помощника, при завоевании израильтянами Обетованной земли. Он явился пророку Даниилу в дни падения Вавилонского царства и начала созидания Мессинского царства. Даниилу было предсказано о помощи народу Божию со стороны архангела Михаила в период предстоящих преследований при Антихристе. Пророк Илия ревностно боролся за поклонение единому Богу и был взят живым на небо. По преданию церкви, он снова явится на землю перед Вторым пришествием Христа. Николай Угодник — также ревностный защитник веры от ересей и язычества. Таким образом, самый грандиозный храм Византийской империи напрямую был связан с ожиданием Второго Пришествия. В церкви хранились многочисленные реликвии: Крест царя Константина, Иерихонская труба

Иисуса Навина, в которую должен будет вострубить ангел перед Концом Света, пастушеский рог праведного Авраама, жезл Моисея, рог царя Самуила, из которого он помазал пророка Давида; в алтарной преграде были помещены часть плаща и пояс пророка Илии, богато украшенный щит Константина. Таким образом, все указывает на острые эсхатологические переживания. Лев VI деятельно готовится ко Второму Пришествию.

Видимо, в том же ключе нужно воспринимать и знаменитую мозаику «Лев VI перед Христом». Скорее, в этом образе читается не утверждение его царской власти, а покаяние перед Христом и молитвенная просьба императора к Христу принять его народ под свою защиту (Ср. 3 Книга Царств, глава 8, 22—61).

Не случайно, самое знаменитое поэтическое сочинение Льва Мудрого духовного содержания — «Покаянная песнь» (Ὁμῶριον κατακτικόν), содержащая 31 строфу, посвящена грядущему Второму пришествию Спасителя. Вероятно, песнь создана в ранние годы правления Льва (Ciccolella 1989). Среди сочинений малых форм — написанная политическим стихом (пятнадцатисложником) молитва Христу с алфавитным акростихом; аллегорические ямбы о лилии как об образе Второго пришествия⁸. К сожалению, М. Ридель ничего не говорит об эсхатологических ожиданиях в правление Льва VI, но они, видимо, были очень важным мотивирующим фактором, определившим столь активную деятельность императора по преобразованию общества.

Кроме того, при всей значимости исламского фактора в византийской истории в правление Македонской династии, на наш взгляд, вряд ли можно связывать столь масштабную деятельность императора Льва VI исключительно с арабской угрозой. Стоит отметить, что вторая половина IX века не дает нам картины постоянного или угрожающего наступления арабов на границы Византийской империи. Столкновения с арабами на восточных границах империи «вылились, после нескольких значительных сражений, в форму обычных ежегодных пограничных столкновений, не имевших общего значения и оканчивавшихся с переменным успехом то для одной, то для другой стороны» (Васильев 1998: 183). Более того, в результа-

⁸ Установление полного перечня аутентичных гимнографических сочинений Льва Мудрого и их публикация еще не завершены (Detorakis 2015).

те малоазиатская граница Византии продвинулась значительно на восток. Халифат Аббасидов после 861 года переживает период раздробленности и ослабления, и внешнеполитический интерес арабов во второй половине IX века и соответственно византийско-арабское противостояние связаны, скорее, с территорией Италии и островами Адриатического моря, нежели с континентальными владениями Византии. Значительно более опасным противником Византии в тот период времени были болгары, от которых Византия потерпела сокрушительное поражение летом 896 года при Булгарофигоне и которым в дальнейшем была вынуждена платить дань. Поэтому, вероятно, не арабская угроза стала главным вызовом для Византии второй половины IX века, и не этот фактор побудил императора Льва VI развернуть столь бурную деятельность.

А необходимость представить византийцев как особый народ, избранный богом народ, и желание показать его особую культурно-историческую идентичность, вероятно, стоит воспринимать не только в связи с арабской угрозой, но в более широком контексте, учитывая и довольно жесткое антииудейское законодательство Льва VI и обстоятельства Фотианской схизмы.

В целом, мысль Мередит Ридель о том, что вся деятельность императора Льва VI пронизана христианской идеей и что без изучения этой части творчества Льва VI, мы не сможем постичь ту идею, которая пронизывает и направляет всю его деятельность, кажется нам совершенно обоснованной и плодотворной. Соответственно, гипотеза, выдвигаемая автором, о том, что христианское мировоззрение императора, проявляющееся в его религиозных, литературных и политических трудах, одновременно формирует совершенно новое отношение к войне, императорской власти, собственную византийскую культурную идентичность, является ответом византийского общества на вызовы современной действительности, связанной с постоянным давлением со стороны арабомусульманского мира, не только выглядит

вполне убедительной, но и позволяет объяснить смысл тех трансформаций, которые переживает византийское общество на рубеже IX—X вв. во многом благодаря усилиям императора Льва VI.

Таким образом, появление монографии М. Ридель является, на наш взгляд, важным событием в современной византистике. Во-первых, она представляет собой, первое монографическое исследование, посвященное фигуре императора Льва VI, одного из самых выдающихся и необычных византийских императоров, а также комплексному анализу его деятельности.

Важность работы М. Ридель состоит и в том, что в ней впервые исследуются не только и не столько военно-исторические аспекты отношений Византийской (православной) империи с исламом, но и доктринальное, идейно-психологическое противостояние двух систем, миров, цивилизаций.

М. Ридель развивает мысль, высказанную Ж. Дагноном в 1986 году и поддержанную В. Кучмой (2001 г.), и детально показывает, как Лев VI, показав себя гениальным правителем, отвечает на вызовы современности, а именно выстраивает новое войско, не только учитывая военно-организационный опыт арабов, но и религиозно-психологическую мотивацию воинов, сражающихся за истинную веру (1), с помощью особого языка и библейских аллюзий обосновывает исключительный статус правителя как «нового Соломона» (2), формирует заново византийскую культурную идентичность через идею «избранного народа» и его противостояние «иным» народам (3).

В монографии показано, что проблема взаимоотношений христианского и мусульманского миров, рассматриваемая в категориях «свой» — «чужой», актуальна не только для эпохи крестовых походов, но проявляет себя значительно раньше, показана необходимость изучения этих образов, особой лексики, ментальных стереотипов и т. д. Так что данная монография может положить начало целому направлению в современной византистике.

Литература

- Васильев А. А. 1900. *Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов во времена Аморийской династии*. Санкт-Петербург: Типография И. Н. Скороходова.
- Васильев А. А. 1998. *История Византийской империи. Том 1. Время до Крестовых походов (до 1081 г.)*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Каждан А. П. 1965. *От Христа к Константину*. Москва: Знание.
- Каждан А. П. 1968. *Византийская культура (X—XII вв.)*. Москва: Наука.
- Кучма В. В. 2001. *Военная организация Византийской империи*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Кучма В. В. 2009. Принципы организации боевых передвижений (маршей) по «Тактике Льва». *АДЦВ* 39. Екатеринбург, 123—141.
- Кучма В. В. 1997. Религиозный аспект византийской военной доктрины: истоки и эволюция. *Средневековое православие от прихода до патриархата* 1. Волгоград, 45—65.
- Лев VI Мудрый. 2012. *Тактика Льва*. Изд. подготовил В. В. Кучма; отв. ред. Н. Д. Барабанов. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Попов Н. Г. 1892. *Император Лев VI Мудрый и его царствование в церковно-историческом отношении*. Москва: Типография А. И. Снегиревой.
- Antonopoulou T. 1997. *The Homilies of the Emperor Leo VI*. Leiden.
- Basilicorum libri LX*. 1833—1850. Heimbach K. W. E. (ed.). Leipzig.
- Bonner M. 1996. *Aristocratic Violence and Holy War: Studies in the Jihad and the Arab-Byzantine Frontier*. New Haven.
- Ciccolella F. 1989. Il carne anacreontico di Leone VI. *Bollettino dei Classici* 10. Rome, 17—37.
- Cunningham M. B. 1990. Preaching and the Community. In: Morris R. (ed.). *Church and People in Byzantium*. Birmingham, 29—47.
- Dagron, Mihaescu 1986: Dagron G., Mihaescu H. (eds.). 1986. *Le traité sur la guerilla (De velitatione) de l'empereur Nicéphore Phocas (963—969)*. Paris.
- Dennis G. T. 1985. *Three Byzantine Military Treatises*. Washington, DC.
- Dennis G. T. 2014. *The Taktika of Leo VI. Text, Translation, and Commentary*. Washington, DC.
- Detorakis Th. 2015. Ἀγνωστοὶ ὕμνοι Λέοντος τοῦ Σοφοῦ. In: Antonopoulou Th. (ed.). *Myriobiblos: Essays on Byzantine Literature and Culture*. Boston etc., 131—142.
- El Cheikh N. M. 1992. *Byzantium viewed by the Arabs*. Ph. D. thesis. Cambridge: Harvard University.
- Fögen, M. T. 1989. Legislation und Kodifikation des Kaisers Leon VI, *Subseciva Groningana* 3, 23—35.
- Haldon J. F. (ed.) 2007. *Byzantine Warfare*. International Library of Essays on Military History. Aldershot.
- Irmscher J. 1978. Die Geschalt Leons VI. Des Weisen in Volkssage und Historiographie. In: Vavřínek V. *Beiträge zur byzantinische Geschichte im 9.-11. Jh.* Praha.
- Kazhdan A. P., Epstein A. W. 1985. *Change in Byzantine Culture in the XIth and XIIth Centuries*. Berkeley.
- Koder J. (ed.). 1991. *Das Eparchenbuch Leons des Weisen*. Vienna.
- Kolbaba T. 1998. Fighting for Christianity: Holy War in the Byzantine Empire. *Byzantion* 68, 194—221.
- Kolia-Dermizaki A. 2012. Holy war in Byzantium twenty years later. A question of term definition and interpretation. In: Koder J., Stouraitis I. (eds.). *Byzantine war ideology between Roman imperial concept and Christian religion, Akten des Internationalen Symposiums*. Wien, 121—132.
- Laiou A. 2012. On Just War in Byzantium. In: Morrisson C., Dorin R. (eds.). *Byzantium and the Other: Relations and Exchanges*. Routledge.
- Laiou A., Simon D. 1994. *Law and Society in Byzantium: Ninth-Twelfth Centuries*. Washington, DC.
- Leo VI. 2008. In: Antonopoulou T. (ed.). *Leonis VI Sapientis Imperatoris Byzantini Homiliae*. Turnhout.
- Odorico P. 1983. La politica dell'immaginario di Leone VI il Saggio. *Byzantion* 53, 597—631.
- Riedel M. L. D. 2018. *Leo VI and the Transformation of Byzantine Christian Identity. Writings of an Unexpected Emperor*. Cambridge.
- Tougher S. F. 1996. The Imperial Thought-World of Leo VI, the Non-Campaigning Emperor of the Ninth Century. In: Brubaker L. (ed.). *Byzantium in the Ninth Century: Dead or Alive? XXXth Spring Symposium of Byzantine Studies*. Aldershot, 51—60.
- Tougher Sh. 1997. *The Reign of Leo VI (886—912). Politics and People*. Brill.

References

- Vasil'ev, A. A. 1900. *Vizantiia i araby. Politicheskie otnosheniia Vizantiia i arabov vo vremena Amoriiskoi dinastii (Byzantium and Arabs: Political Relations between Byzantium and Arabs in the Time of Amorian Dynasty)*. Saint Petersburg: Typography of I. N. Skorokhodov (in Russian).
- Vasil'ev, A. A. 1998. *Istoriia Vizantiiskoi imperii (History of the Byzantine Empire) 1. Vremia do Krestovykh pokhodov (do 1081 g.) (The Time before Crusades (before 1081))*. Saint Petersburg: "Aleteia" Publ. (in Russian).
- Kazhdan, A. P. 1965. *Ot Khrista k Konstantinu (From Christ to Constantine)*. Moscow: "Znanie" Publ. (in Russian).
- Kazhdan, A. P. 1968. *Vizantiiskaia kul'tura (X—XII vv.) (Byzantine Culture: 10th—12th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kuchma, V. V. 2001. *Voennaia organizatsiia Vizantiiskoi imperii (Military Organization of Byzantine Empire)*. Saint Petersburg: "Aleteia" Publ. (in Russian).
- Kuchma, V. V. 2009. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquity and Middle Ages)* 39. Yekaterinburg, 123—141 (in Russian).
- Kuchma, V. V. 1997. In *Srednevekovoe pravoslavie ot prikhoda do patriarkhata (Medieval Orthodoxy from Parrish to Patriarchate)* 1. Volgograd, 45—65 (in Russian).
- Leo VI the Wise. 2012. *Taktika L'va (Tactica)*. Saint Petersburg: "Aleteia" Publ. (in Russian).
- Popov, N. G. 1892. *Imperator Lev VI Mudryi i ego tsarstvovanie v tserkovno-istoricheskom otnoshenii (Emperor Leo VI the Wise and this Reign in Relation to the Church History)*. Moscow: Typography of A. I. Snegireva (in Russian).
- Antonopoulou, T. 1997. *The Homilies of the Emperor Leo VI*. Leiden.
- Basilicorum libri LX*. 1833—1850. Heimbach, K. W. E. (ed.). Leipzig.
- Bonner, M. 1996. *Aristocratic Violence and Holy War: Studies in the Jihad and the Arab-Byzantine Frontier*. New Haven.
- Ciccolella, F. 1989. Il carne anacreontico di Leone VI. *Bollettino dei Classici* 10. Rome, 17—37.
- Cunningham, M. B. 1990. Preaching and the Community. In Morris, R. (ed.). *Church and People in Byzantium*. Birmingham, 29—47.

- Dagron, G., Mihaescu, H. (eds.). 1986. *Le traité sur la guerre (De velitatione) de l'empereur Nicephore Phocas (963—969)*. Paris.
- Dennis, G. T. 1985. *Three Byzantine Military Treatises*. Washington, DC.
- Dennis, G. T. 2014. *The Taktika of Leo VI. Text, Translation, and Commentary*. Washington, DC.
- Detorakis, Th. 2015. "Άγνωστοι ὕμνοι Λέοντος τοῦ Σοφοῦ. In Antonopoulou Th. (ed.). *Myriobiblos: Essays on Byzantine Literature and Culture*. Boston etc., 131—142.
- El Cheikh, N. M. 1992. Byzantium viewed by the Arabs. Ph.D. thesis. Cambridge: Harvard University.
- Fögen, M. T. 1989. Legislation und Kodifikation des Kaisers Leon VI. *Subseciva Groningana* 3, 23—35.
- Haldon, J. F. (ed.) 2007. *Byzantine Warfare*. International Library of Essays on Military History. Aldershot.
- Irmscher, J. 1978. Die Geschalt Leons VI. Des Weisen in Volkssage und Historiographie. In Vavřinek, V. *Beiträge zur byzantinische Geschichte im 9.-11. Jh.* Praha.
- Kazhdan, A. P., Epstein, A. W. 1985. *Change in Byzantine Culture in the XIth and XIIth Centuries*. Berkeley.
- Koder, J. (ed.). 1991. *Das Eparchenbuch Leons des Weisen*. Vienna.
- Kolbaba, T. 1998. Fighting for Christianity: Holy War in the Byzantine Empire. *Byzantion* 68, 194—221.
- Kolia-Dermizaki, A. 2012. Holy war in Byzantium twenty years later. A question of term definition and interpretation. In Koder J., Stouraitis I. (eds.). *Byzantine war ideology between Roman imperial concept and Christian religion, Akten des Internationalen Symposiums*. Wien, 121—132.
- Laiou, A. 2012. On Just War in Byzantium. In Morisson S., Dorin R. (eds.). *Byzantium and the Other: Relations and Exchanges*. Routledge.
- Laiou, A., Simon, D. 1994. *Law and Society in Byzantium: Ninth-Twelfth Centuries*. Washington, DC.
- Leo VI. 2008. In Antonopoulou, T. (ed.). *Leonis VI Sapientis Imperatoris Byzantini Homiliae*. Turnhout.
- Odorico, P. 1983. La politica dell'immaginario di Leone VI il Saggio. *Byzantion* 53, 597—631.
- Riedel, M. L. D. 2018. *Leo VI and the Transformation of Byzantine Christian Identity. Writings of an Unexpected Emperor*. Cambridge.
- Tougher, S. F. 1996. The Imperial Thought-World of Leo VI, the Non-Campaigning Emperor of the Ninth Century. In Brubaker L. (ed.). *Byzantium in the Ninth Century: Dead or Alive? XXXth Spring Symposium of Byzantine Studies*. Aldershot, 51—60.
- Tougher, Sh. 1997. *The Reign of Leo VI (886—912). Politics and People*. Brill.

Статья поступила в номер 5 февраля 2022 г.

Irina Vascheva (Nizhny Novgorod, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod¹; Linguistics University of Nizhny Novgorod².

Irina Vascheva (Nijni Novgorod, Rusia). Doctor în științe istorice. Universitatea de Stat Națională de Cercetare din Nijni Novgorod „N. I. Lobachevski”; Universitatea Lingvistică de Stat din Nijni Novgorod „P. E. Dobrolyubov”.

Ващева Ирина Юрьевна (Нижний Новгород, Россия). Доктор исторических наук. ФГАОУ ВО Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова.

E-mail: vasheva@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8224-445X

Vera Grozova (Nizhny Novgorod, Russian Federation). Linguistics University of Nizhny Novgorod².

Vera Grozova (Nijni Novgorod, Rusia). Universitatea Lingvistică de Stat din Nijni Novgorod „P. E. Dobrolyubov”.

Грозова Вера Андреевна (Нижний Новгород, Россия). Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова.

E-mail: busina.go@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8224-445X

Addresses: ¹ Gagarina Pr., 23, Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation; ²⁻³ Minina St., 31a, Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation

Список сокращений

AB	— Археологические вести. Санкт-Петербург.
ABCЗ	— Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Москва.
АГУ им. Абая	— Алматинский государственный университет имени Абая. Алматы.
АДІУ	— Археологія і давня історія України. Київ.
АДСВ	— Античная древность и средние века. Екатеринбург / Свердловск.
АЕС	— Археология евразийских степей. Казань.
АИППЗ	— Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Семенова. Москва; Псков.
алб.	— албанский язык.
алб. диал.	— диалект албанцев Украины.
АлтГУ	— Алтайский государственный университет. Барнаул.
АН	— Академия наук.
АН КазССР	— Академия наук Казахской ССР. Алма-Ата.
АН РМ	— Академия наук Республики Молдова. Кишинёв.
АН РТ	— Академия наук Республики Татарстан. Казань.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АН УзССР	— Академия наук Узбекской ССР. Ташкент.
АН УССР	— Академия наук Украинской ССР. Киев.
АНА	— Академия наук Абхазии. Сухум.
АО	— Археологические открытия. Москва.
АС	— Археологический съезд.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа, Ленинград / Санкт-Петербург.
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БашГУ	— Башкирский государственный университет. Уфа.
ВГПИ	— Волгоградский государственный педагогический институт. Волгоград.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ВСМ	— Верхне-Салтовский могильник.
ВЯ	— Вопросы языкознания. Москва.
ГАЗ	— Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск.
ГАИМК	— Государственная академия материальной культуры, Ленинград.
Географиз	— Государственное издательство географической литературы. Москва.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГМЗ	— государственный музей-заповедник.
ГРВЛ	— Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Москва.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Ленинград / Санкт-Петербург.
ДГУ	— Днепропетровский государственный университет. Днепропетровск.
ДНЦ РАН	— Дагестанский научный центр Российской Академии наук. Махачкала.
ДонНУ	— Донецкий национальный университет. Донецк.
ЕГПИ	— Елецкий государственный педагогический институт. Елец.
Записки ИИМК	— Записки Института истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург.
ЗГУ	— Запорожский государственный университет. Запорожье.
ИА	— Институт археологии.
ИА АН РТ	— Институт археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИА им. А.Х. Маргулана	— Институт археологии имени А.Х. Маргулана. Алматы.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ИАК	— Известия Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ИАК	— Императорская археологическая комиссия. Санкт-Петербург.
ИАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск.
ИВИ РАН	— Институт всеобщей истории Российской Академии наук. Москва.
ИИ АН РТ	— Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. Казань.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.

Ил	— Ильинский раскоп.
ИНИОН	— Институт научной информации по общественным наукам АН СССР / РАН. Москва.
ИПЦ СОИГСИ	
ВНЦ РАН и РСО-А	— Издательско-полиграфический центр Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований Владикавказского научного центра Российской академии наук и Республики Северная Осетия–Алания.
ИрГУ	— Иркутский государственный университет. Иркутск.
ИРИ РАН	— Институт российской истории Российской Академии наук. Москва.
ИЯЛИ	— Институт языка, литературы и истории. Москва.
ИЯЛИ АН РТ	— Институт языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Казань.
ИЯЛИ КНЦ АН СССР	— Институт языка, литературы и истории Казанского научного центра Академии наук СССР. Казань.
ИА НАНУ	— Інститут археології Національної Академії наук України. Київ.
КазГУ	— Казахский Государственный университет им. аль-Фараби. Алматы.
КАЭЭ ПГГПУ	— Камская археолого-этнографическая экспедиция Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Пермь.
КГУ	— Казанский государственный университет. Казань.
КИГИТ	— Камский институт гуманитарных и инженерных технологий. Ижевск.
КИО	— культурно-историческая общность.
КСИА	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР / Российской академии наук. Москва.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР / Российской академии наук. Ленинград / .
КСПДК	— культура смоленско-полоцких длинных курганов.
КФАН СССР	— Казанский филиал Академии наук СССР. Казань.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет. Ленинград.
ЛОИА	— Ленинградское отделение института археологии АН СССР. Ленинград.
МАИАСП	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. Нижневартовск.
МАО	— Московское археологическое общество.
МАР	— Материалы по археологии России. Санкт-Петербург; Москва.
МарНИИ	— Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Йошкар-Ола.
МАЭ РАН	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого «Кунсткамера» Российской академии наук. Санкт-Петербург.
МГУ	— Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.
МИИКВАЭ	— Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск.
Мих	— Михайловский раскоп.
МИЦАИ	— Международный институт центральноазиатских исследований. Самарканд.
МНИИЯЛИЭ	— Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики. Саранск.
МОН РК	— Министерство образования и науки Республики Казахстан. Астана.
МОН РК, НАН РК	— Министерство образования и Науки, Национальная Академия наук. Алматы; Астана.
МПСИ	— Московский психолого-социальный институт. Москва.
НА ИА НАНУ	— Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
НА ИИМК РАН. РО	— Научный архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Рукописный отдел. Санкт-Петербург.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НАИМ БАН	— Национален археологически институт с музей, Българската Академия на науките. София.
НАН	— Национальная Академия наук.
НАЭ	— Новгородская археологическая экспедиция.
НГУ	— Новосибирский государственный университет. Новосибирск.
Нер	— Неревский раскоп.
Ник	— Никитинский раскоп.
НИУ ВШЭ	— Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Москва.
НМЗ	— Новгородский музей-заповедник. Великий Новгород.
НМІУ	— Національний музей історії України. Київ.
ННЗИА	— Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород.
НовГУ	— Новгородский государственный университет. Великий Новгород.
ОАК	— Отчет Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ООА ИИМК РАН	— Отдел охранный археологии Института истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
ООО «ЦИКР «Рифей»	— Общество с ограниченной ответственностью «Центр историко-культурных реконструкций «Рифей». Челябинск.
ПА	— Поволжская археология. Казань.

№5. 2022

ПАН	— Польская Академия наук. Варшава.
ПВЛ	— Повесть временных лет.
ПГПУ	— Пермский государственный педагогический университет. Пермь.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей.
РАН	— Российская Академия наук. Москва.
РВВ ДНУ	— Редакційно-видавничий відділ Дніпропетровського національного університету. Дніпропетровськ.
РГГУ	— Российский государственный гуманитарный университет. Москва.
РИАМЗ	— Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник. Рязань.
РИО БГУ	— Редакционно-издательский отдел Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского. Брянск.
РО НА ИИМК РАН	— Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург.
РСМ	— Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Москва.
РУАК	— Рязанская ученая архивная комиссия. Рязань.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград / Санкт-Петербург.
СГСПУ	— Самарский государственный социально-педагогический университет. Самара.
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
СИААМЗ	— Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник. Стара-Ладого.
СО	— Сибирское отделение.
СО РАН	— Сибирское отделение Российской Академии наук. Новосибирск.
СОИГСИ	— Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований. Владикавказ.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
СтавГУ	— Ставропольский государственный университет. Ставрополь.
ТАС	— Тверской археологический сборник. Тверь.
ТГИМ	— Труды Государственного исторического музея. Москва.
ТГУ	— Томский государственный университет. Томск.
ТКАЭЭ	— Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Москва.
Тр	— Троицкий раскоп.
Труды ГИМ	— Труды Государственного исторического музея. Москва.
Труды ИИМК РАН	— Труды Института истории материальной культуры АН СССР — РАН. Ленинград / Санкт-Петербург.
тур.	— турецкий язык.
УАВ	— Уфимский археологический вестник. Уфа.
УдИИЯЛ	— Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук. Ижевск.
УфНЦ РАН	— Уфимский научный центр Российской академии наук. Уфа.
Фед	— Фёдоровский раскоп.
ФИА им. А.Х. Маргулана	— Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Астана.
ФО НА ИИМК РАН	— Фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры АН СССР — РАН. Санкт-Петербург.
ХГУ	— Харьковский государственный университет. Харьков.
ЦОДПА	— Центр охорони та досліджень пам'яток археології Управління культури Полтавської обласної державної адміністрації. Полтава.
ЦП НАНУ і УТОПІК	— Центр пам'яткознавства НАН України і Українського товариства охорони пам'яток історії та культури. Київ.
ЧелГУ	— Челябинский государственный университет. Челябинск.
ЭО	— Этнографическое обозрение. Москва.
ЮУрГУ	— Южно-Уральский государственный университет. Челябинск.
ЯД	— Ярославово Дворище.
AV ČR	— Akademie věd České republiky. Praha.
AW CR	— Akademie der Wissenschaften der Czechische Republik. Prag.
BAR IS	— British Archaeological Reports International Series. Oxford.
DC	— Dumbarton Oaks Collection.
GWZO	— Leibniz-Institut für Geschichte und Kultur des östlichen Europa. Leipzig.
IA UR	— Instytut Archeologii Uniwersytetu Rzeszowskiego. Rzeszów.
IAE PAN	— Instytut archeologii i etnologii Polskiej Akademii nauk. Warszawa.
IHCM	— Institute for the History of Material Culture. Saint Petersburg.
PAU	— Polska Akademia Umiejętności. Warszawa.
PWN	— Państwowe Wydawnictwo Naukowe. Warszawa.
RA	— Revista arheologică, Chişinău.
RAS	— Russian Academy of Sciences. Moscow.
SCIVA	— Studii şi cercetări de istorie veche şi arheologie. Bucureşti.
SMA	— Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. Helsinki.
UMK	— Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w Toruniu. Toruń.